Дружинин Н.Л.,
к. э. н., доцент Санкт-Петербургского
государственного университета

ВКЛАД АМЕРИКАНСКИХ РЕФОРМАТОРОВ В ОРГАНИЗАЦИЮ И ПРОВЕДЕНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В ЯПОНИИ В ПЕРИОД ОККУПАЦИИ

В статье раскрывается вклад американских оккупационных властей в процесс реформирования японской экономической системы в 1945 – 1952 гг. В статье представлен новый взгляд на происходившие процессы, которые дали старт японскому «экономическому чуду» и обусловили благоприятные отношения между США и Японией. Роль американских реформаторов традиционно недоучитывается в отечественной литературе, в представленной работе исследуются направления, принципы, особенности и результаты их деятельности.

Соединенные Штаты Америки сыграли крайне ценную цементирующую роль локомотива, стержня экономических и политических реформ в Японии в 1945-1952 гг. Без преувеличения можно утверждать, что в первые послевоенные годы они оказали на развитие Японии сильнейшее воздействие. Во-первых, как сторона, победившая в войне и инициировавшая всестороннюю демилитаризацию до предела военизированной экономики Японии, США способствовали проведению демократичной земельной реформы и целого ряда других важнейших институциональных преобразований. Во-вторых, они отозвались на просьбы японского правительства о гуманитарной помощи и оказали решающую и чрезвычайно нужную в кризисный период продовольственную поддержку своему недавнему противнику. В-третьих, Японии была предоставлена весьма ценная и необходимая в период коренного реформирования японской экономики так называемая организационно-консультационная помощь. Советы, просьбы и консультации американских военных и гражданских посланников были самыми настоящими директивами, которые в корректной и дипломатичной форме требовали точного и быстрого выполнения. Это помогло эффективно преодолеть сопротивление бюрократического аппарата, устранить с политической арены пособников старого режима и провести реформы в максимально сжатые сроки. И, наконец, в-четвертых, США стали крупнейшим заказчиком для Японии, которая в послевоенный период нередко бойкотировалась странами – бывшими противниками. США оказались авторитетным помощником в процессе восстановления Японии в мировом экономическом сообществе.

Способность представителей американских оккупационных властей эффективно проводить свою линию в условиях достаточно сложной и запутанной внутриполитической обстановки в Японии следует признать важнейшим внешнеполитическим успехом США, опытом, который американцы

стремятся использовать и сегодня в своих взаимоотношениях с другими странами.[1] Возможность кардинальной перестройки враждебного и, казалось бы, нереформируемого государства в нужном для США направлении существенно укрепила американскую «силовую» дипломатию

Институциональные факторы, оказавшие воздействие на реформы в послевоенной Японии имели не только внутреннюю, собственно японскую основу, помимо этого они определялись также внешними институциональными факторами, которые были связаны с оккупационным режимом. Это представляло собой особенность процесса реформ, происходило взаимодействие двух систем, влияние двух мощнейших культур друг на друга. Реформам была обеспечена мощная идеологическая и институциональная поддержка, которая защитила их от многих побочных эффектов и чрезмерного возвратного движения. Это было связано главным образом с тем, что реформы проходили в условиях внешней оккупации со стороны США, которые в силу сложившейся геополитической обстановки проявили к побежденной стороне действительно союзническое отношение, оказав ценнейшую многостороннюю помощь в восстановлении и развитии экономики. Фактически ситуация поменялась настолько сильно, что в тот период Японии уже не являлась врагом Соединенных Штатов, более того она стала стратегическим партнером США на Дальнем Востоке в борьбе против КНР, КНДР и, конечно же, СССР. Поэтому оккупация Японии была таковой лишь по формальным признакам, в реальности имело место активное, достаточно плодотворное, неантагонистическое взаимодействие двух стран-партнеров. Статус оккупации позволял реформаторам как с американской, так и с японской стороны проводить требуемые изменения старой общественно-экономической системы с большим радикализмом, быстрее и, что самое главное, практически в идеальных условиях паралича главных центров сопротивления. Более того, главам дзайбацу, помещикам, бывшим функционерам милитаристского режима и даже самому императору Хирохито волей-неволей пришлось встать на сторону реформаторов и активно помогать им в их работе.

Однако было бы ошибочно связывать успех реформ с оккупацией как системой насилия, прямого военного вмешательства во внутренние дела японского государства. Если бы оккупация содержала в себе только эти традиционные для поствоенного периода отношения давления и зависимости, реформы не были бы успешными, потому что содержали бы в себе негативное отношение японцев ко всему происходящему и демонстрировали бы протестное поведения, которое в полной мере реализовалось бы после снятия оккупации, превратившись в мощную волну контрреформ. Но ни того ни другого не было, более того Япония стала самостоятельно развиваться в за-

[1] Успех жесткой силовой политики США в отношении послевоенной Японии во многом питает нынешние попытки американцев тем же способом добиваться реформирования других стран, в частности Ирака. Между тем не учитывается степень готовности той или иной страны воспринять американские инициативы. Очевидно, что различие положения послевоенной Японии и нынешнего Ирака, их собственных целей, системы ценностей, накопившихся проблем и методов их решения обусловливают сложность изменения сформировавшегося тренда развития.

данном направлении, всемерно укрепляя многосторонние связи со своим главным партнером – США. Основной причиной такого лояльного отношения к бывшему врагу было то, что цели и средства оккупации не только не ущемляли интересов подавляющего большинства населения, а, наоборот, полностью отвечали им.

Таким образом, главным оружием оккупации была сильная социальная и экономическая политика. Американские представители, по существу, решились начать то, что давно уже собирались и должны были сделать сами японцы, но в результате многих факторов не могли этого предпринять, оказавшись в своеобразной институциональной ловушке, когда назревшие институциональные изменения сдерживаются существующей институциональной структурой вследствие природной консервативности институтов, больших выгод от ее сохранения для элиты и высоких затрат на преодоление сопротивления. Усилия американских реформаторов были направлены на то, чтобы изменить существующие правила игры в пользу наименее привилегированных слоев населения, тем самым реформам обеспечивалась необходимая поддержка и устойчивость. В то же время учитывались и интересы элиты, хотя, конечно же, реформа шла в основном за счет снижения ее экономического потенциала. Важным было то, что институциональные изменения в Японии изначально шли в направлении улучшения экономического положения большинства рядовых экономических агентов, а не в интересах обогащения верхушки. Реформы планировались и осуществлялись не как средство перераспределения ресурсов между относительно узкими социальными прослойками (пусть даже и в целях экономического роста), а как возможность существенного упрочения экономических прав и возможностей многочисленных непривилегированных слоев японского общества. Именно акцент на социальную составляющую реформ позволил добиться не только восстановления экономики, но и чрезвычайно ценного в тот период социального консенсуса.

Экономическая политика штаба Макартура, нацеленная на реконструкцию всего японского общества, включая и экономические отношения, имела перед собой крайне сложную задачу изменения сложившейся за долгие годы институциональной структуры, опутанной множеством невидимых связей, традиций, неформальных правил и т.д. Необходимо было не просто закрыть те или иные предприятия и открыть новые, не просто отстранить от управления страной и экономикой одних политиков и менеджеров и назначить других, требовалось решить гораздо более трудный вопрос – видоизменить всю систему общественно-экономических отношений, начиная от правил аренды в сельском хозяйстве и кончая правилами корпоративного управления в промышленности. Для осуществления этих отношенческих, институциональных реформ требовалось проникновение в саму суть проблем, четкое представление о том, что будет воспринято и что не будет выполнено ни при каких обстоятельствах, был необходим детальный просчет всех последствий предпринимаемых действий и учет возможных побочных эффектов, включая оппортунистическое поведение.

Для решения этих сложнейших задач была выбрана следующая стратегия: американские оккупационные власти сознательно выводили японскую экономическую систему из состояния институционального равновесия путем инициирования японской стороны к принятию новых правил хозяйствования. В результате снятия старых и формального утверждения новых принципов экономической деятельности институциональное равновесие нарушалось, и таким образом становились возможными и необходимыми дальнейшие институциональные изменения вплоть до приведения всей системы в равновесное состояние. «Институциональное равновесие – это такая ситуация, в которой при данном соотношении сил игроков и данном наборе контрактных отношений, образующих экономический обмен, ни один из игроков не считает для себя выгодным тратить ресурсы на реструктуризацию соглашений» [1, С. 112]. Вывести экономическую систему из институционального равновесия реформаторы могли несколькими основными способами. Во-первых, отменой прежних ограничений, снятием запретов, ликвидацией устаревших институтов. Это создавало временный вакуум, который постепенно заполнялся новыми отношенческими нормами и моделями поведения, т.е. новыми институтами. Характерно, что реформаторам приходилось лишь делать первый шаг, а в дальнейшем процесс приобретал способность к саморазвитию.

Во-вторых, путем непосредственного введения новых норм хозяйственной и общественной деятельности. Появляющиеся формальные институты далеко не всегда могли сразу начать выполнять свои функции, их принятие экономическими агентами сдерживалось сохранившимися в неизменности и гораздо менее подвижными неформальными правилами поведения. Тем не менее, новшества быстро приживались, если японцы, традиционно склонные к умелому использованию чужого опыта, убеждались в их эффективности.

В-третьих, путем снижения трансакционных издержек на самостоятельное изменение участниками контрактных соглашений друг с другом. Прежнее институциональное равновесие базировалось нередко на принуждении экономических агентов к сохранению существующих порядков даже в том случае, когда они были явно не выгодны одной из сторон. Благодаря созданию защитных механизмов представители привилегированных слоев общества были надежно защищены ограничены от попыток изменить положение вещей прежде всего мерами административного характера. Ликвидация этих защитных механизмов, снятие систем принуждения, поддерживающих старую систему контрактов, неминуемо, хотя и не сразу, вела к разрыву или пересмотру невыгодных соглашений, т.е. к необходимым институциональным изменениям. Таким образом американским властям необходимо было лишь запускать механизмы саморазвертывающихся институциональных трансформаций и регулировать скорость и направление происходивших изменений. Как отмечал Э. Рейшауэр[2]: «Социальная революция образовала неразрывную и существенную часть нашей программы реформ в Японии. …

[2] Бывший посол США в Японии.

Мы произвели фундаментальные сдвиги в экономическом и политическом балансе силы среди различных социальных группировок в Японии» [2, С. 270-271].

Важнейшим пунктом в этой схеме было то, каким образом будут восприняты навязанные оккупационным режимом новые формальные правила и нормы. Реформы были бы обречены на провал и начались контрреформы, если бы система неформальных институтов оказалась прочной и не восприимчивой к новшествам. Очевидно, что в случае негативного восприятия рядовыми японскими гражданами действий американских властей и развертывания полномасштабного саботажа, ни о каких реальных преобразованиях не могло бы быть и речи. Понимая уязвимость своей позиции и желая максимально сократить оккупационные издержки, американские власти приняли чрезвычайно важное и политически правильное решение о сохранении в побежденной Японии института императора и самого императора Хирохито, который санкционировал в свое время начало войны и уже после ее окончания принял на себя всю полноту ответственности за действия японского народа.[3] Этот шаг оккупационных властей был вызван не только стремлением сохранить в Японии порядок, избежать бунтов и противоправных выступлений, но и желанием получить хорошую возможность легитимизации всех мер по реформированию страны. Ведь реакционные консервативные силы, преобладавшие на первых порах и в парламенте и в правительстве, препятствовали изменению не только неформальных, но даже и формальных институциональных норм.

Надо отметить, что такая важнейшая часть любых институциональных преобразований, как подготовка текстов новых законопроектов, их согласование в парламентских комиссиях и принятие депутатами вообще блокировалась на начальном этапе японскими законодателями, среди которых идеи японизма были крайне сильны. Решить эту проблему и начать реформы помогло то, что в юридическом плане новые правительственные указы не требовали одобрения парламентом. На основе императорского указа от 29 сентября 1945 г. допускалось принятие не законов, а правительственных указов или министерских приказов в случае, если это было необходимо для выполнения условий Потсдамской декларации или требований оккупационных властей. Такие законодательные акты стали называться «потсдамскими» и значительно упростили процедуру принятия решений. Так, в частности, на базе принятия таких указов правительство Сидэхара под давлением оккупационных войск заморозило имущество дзайбацу, начав грандиозную программу демонополизации японской экономики. Роль японского императора Хирохито оказалась чрезвычайно важной и полезной для процесса проведения институциональных реформ. Император лично дал старт реформам, самостоятельно трансформировав вековой институт императорской власти: в своем историческом обращении 1 января 1946 г. он публично снял вопрос о

[3] Советские представители, работавшие в Дальневосточной комиссии, настаивали на ликвидации японской монархии и признании императора Хирохито военным преступником.

«божественном происхождении» императора Японии. Это был знак для всего общества, и он был воспринят как начало исторических изменений.

Наличие в Японии института императорской власти, который, находясь вне политики, тем не менее, является ее ядром, позволило легче и органичнее воспринять совершенно чужеродный институт – штаб СКАП, японские политики, включая и самого императора Хирохито оказались в состоянии наладить конструктивный диалог с представителями оккупационных войск, умея одновременно сохранять при этом и достоинство и выдержку, не забывая о собственных интересах и умело проводя дипломатическую линию.

Примечателен тот факт, что стиль организации оккупационной политики, представленной генералом Д. Макартуром, и сама личность этого легендарного политического деятеля невольно оказалась созвучными японским императорским традициям и условностям. Как отмечал американский историк Дж. Пратт: «Царственные манеры и величественный язык генерала Макартура воздействовали на те же самые японские черты характера, которые объясняли существование культа императора» [3, С. 731-732]. Макартур не включался в текущие проблемы управления и реформ, предпочитая оставаться над происходящим, постоянно поддерживая свой высочайший статус. Он не путешествовал по Японии и практически не покидал своей рабочей резиденции в Токио, его публичные заявления и выступления были крайне редки и касались только особо важных вопросов. Как сообщала газета “Ниппон Таймс”: «Многие японцы молятся о счастье увидеть генерала лично и рады хотя бы слышать его голос по радио. Другие преклоняются перед ним как перед живым богом, считая его таким же всемогущим» [4].

Отношение японцев к США претерпело удивительную метаморфозу – от яростно-ненавистного во время войны, до вполне дружеского и патерналистского сразу после войны. Очевидно, что корень японского экономического чуда, причины успеха радикальных послевоенных реформ, а также неразделько связанного с этими достижениями выгодного сотрудничества с Соединенными Штатами были обусловлены именно этой психологической метаморфозой. Без нее японцы просто были бы не в состоянии ни к эффективному сотрудничеству, ни к традиционному заимствованию, ни к добровольной институциональной перенастройке своей общественно-экономической системы. Причины этого поворота в отношении к своему бывшему врагу многообразны: с одной стороны, учитывая опыт капиталистического развития Японии и ее достаточно активных связей с США в довоенный период разрыв времен войны можно считать скорее исключением, нежели правилом, другим немаловажным фактором являлась изоляция Японии в тот период от негативно настроенных к ней стран Азии, в конце концов «возможно, включился психологический механизм самосохранения, диктовавший подчиниться неизбежности» [5, С. 50].

Реформы в Японии начались в тяжелой психологической атмосфере, которую можно кратко охарактеризовать как крушение надежд и глубокое разочарование в проводимом ранее курсе. В то же время это переплеталось с облегчением от падения тоталитарного режима правления и было связано с

надеждами на новые демократические, социально-рыночные порядки. В конце войны японцы были критически настроены по отношению к своему руководству, предъявляя справедливые претензии в «неискренности» к народу, который был безответственно втянут в войну с более сильным противником и обречен, тем самым, на колоссальные разрушения и унизительное поражение. Для Японии проигрыш в войне, потеря всех колониальных владений, введение оккупационного режима были тяжелыми потрясениями, перевернувшими многие искусственно созданные стереотипы и идеологические клише. Это было трудное время смены ориентиров, переоценки ценностей и критического самоанализа. Однако в то же время это был период начала новой жизни, освобождения от старого, амбициозного по своей сути, деструктивного политического мышления, «перестройка» всего и вся, которая все же была лучшим выходом из сложившегося положения, нежели продолжение прежней политики, заведшей страну в тупик. В этом плане послевоенные годы восстановления с их безработицей, спадом производства и сильнейшей инфляцией представлялись все же куда более созидательными и прогрессивными, нежели предвоенные годы и годы войны, когда экономика хоть и работала на полных оборотах, но была ориентированна не на мирные, а на разрушительные, захватнические цели.

Важно отметить, что японцы были не просто хорошо расположены к Соединенным Штатам, происходила и происходит до сих пор в определенном смысле самоидентификация с наиболее могущественной и экономически успешной страной мира. После войны Япония всячески стремилась перенять у американцев все лучшее: использовать их методы экономического развития, способы политической организации и т.д. При этом главное, чем привлекали США, это был высокий уровень жизни, который Япония, сильно пострадавшая во время войны желала достичь во что бы то ни стало. Таким образом, имелась не только политическая или экономическая основа для плодотворного сотрудничества Японии и США, но и чрезвычайно важная в условиях взаимного отторжения во время войны социально-психологическая основа. О ее надежности и неизменности свидетельствует хотя бы то, что и спустя более полувека отношения японцев к США остаются весьма теплыми. Согласно оценке общественного мнения в Японии чувства близости к США за последние 20 лет (1978-2004 гг.) испытывали 70-75% японцев [5, С. 54].

Столь тесные и в высшей степени обоюдовыгодные отношения двух бывших соперников, проявлявших по отношению друг к другу невиданную жестокость, представляло собой достаточно уникальное в истории явление. Анализируя это неординарное развитие событий, необходимо отметить, что предпосылкой для его реализации стало сложившееся после войны разделение сфер влияния как между социалистическим блоком и капиталистическими странами, так и внутри самого капиталистического лагеря. Как известно, США стремились упрочить свое экономическое присутствие на Востоке и вытеснить с азиатских рынков СССР, Китай, а также Великобританию, которые имели там традиционно сильные позиции.

Кроме того, японо-американские торговые связи были сильно развиты

и до войны. В 1937 г. США были главным поставщиком товаров для Японии, на них приходилось 33,6% всего японского импорта. США, в свою очередь, покупали немало товаров из Японии, доля которой в американском ввозе составляла 8,6% – 3-е место после Великобритании и Канады. Такое взаимовыгодное сотрудничество продолжалось вплоть до японского нападения на Пёрл-Харбор в 1941 г.

После войны, в декабре 1945 г., на совещании в Москве министров иностранных дел СССР, США и Великобритании было определено, что основная ответственность за выполнение условий Потсдамской декларации возлагается на США, чьи военные представители возглавили оккупацию Японии. Это было вполне логично и обусловлено той ролью, которую играли США в Тихоокеанской войне с Японией. Полностью разгромив сильного противника, США освободили захваченные Японией колонии и не допустили выступления Японии на основном театре военных действий, то есть в войне против СССР. Несмотря на участие в войне с Японией многих стран, США взялись управлять оккупированной территорией единолично.

США, впрочем, неоднократно предлагали Советскому руководству и лично И. Сталину разместить в Японии значительные военные силы (до 175 тыс. человек – 5 дивизий и 5 авиационных групп) для поддержания 600-тысячной американской армии. Единственным условием, неприемлемым для СССР, было подчинение этих частей союзному командованию в Японии в лице американского генерала Макартура. По первоначальному плану, выдвинутому американским руководством, в оккупации должны были принять участие также британские и китайские военнослужащие.

Однако лишь Великобритания, в конечном счете, направила в Японию незначительный военный контингент, Китаю, где разгоралась гражданская война, было в то время не до Японии, а СССР претендовал на полноправное участие в управлении страной, или, хотя бы, "советской зоной", по типу Германии. Советский Союз уже оккупировал остров Хоккайдо и надеялся на получение формального одобрения этого шага. Однако США и, в частности, генерал Макартур, проявлявший активное участие в установлении своего полного контроля над всей территорией Японии, были против. В результате столь жесткой политики США советские войска с Хоккайдо были выведены, а послевоенным приобретением Советского Союза в соответствии с Ялтинским соглашением стали острова: Хабомаи, Кунашир, Шикотан и Итуруп. Кроме того, к СССР отошла часть острова Сахалин, оккупированного японской стороной еще задолго до войны. Поскольку советской дипломатии не удалось воплотить в жизнь амбициозные планы расчленения Японии по германскому образцу, вокруг пограничных территорий с самого начала возникла нервозная и очень напряженная атмосфера.

Необходимо отметить, что позиция Д. Макартура сыграла значительную роль в сохранении Японии полностью под американским контролем. Этот факт был позитивно воспринят в самой Японии и положил начало популярности генерала среди японцев.

Таким образом, самим ходом истории судьбы Японии и США оказались тесно переплетены. Создав на территории Японии оккупационный штаб СКАП, американское правительство активно включилось в процесс реформирования Японии, возложив всю ответственность и право принятия конкретных решений на главнокомандующего Макартура, которому и пришлось сыграть в первые послевоенные годы ключевую роль.

В период оккупации вся политика США и штаба СКАП были персонифицированы для японцев в лице генерала. Что бы ни произошло в США или в штабе СКАП, считалось проявлением воли Макартура. Его имя не сходило с газетных полос, вокруг генерала явно складывался культ личности. Буклет с его биографией стал в Японии в 1946 г. бестселлером и разошелся в количестве 800 тыс. экземпляров. Представители творческой японской элиты публиковали хвалебные материалы и благодарили судьбу за то, что им достался такой хороший руководитель. Генерал был, по мнению некоторых историков, весьма колоритной фигурой, американской версией традиционного британского вельможи [6, С. 239-241]. Он имел необычайные интеллектуальные способности, которые, однако, сочетались с тщеславием и обидчивостью. В штабе Макартур был окружен преданными офицерами, многих из которых он знал по другим кампаниям и которых он сам выбрал для работы в Японии. Критика деятельности штаба СКАП или его главнокомандующего были исключены и воспринимались не иначе, как святотатство.

Генерал Макартур пользовался большим авторитетом в Японии, однако это было не только результатом его непубличности или харизматичности, важным было то, что он имел высочайший статус и практические навыки работы в восточных странах. Генерал был не просто высокопоставленным военным, превосходившим как минимум на три звания любого из своих подчиненных в штабе СКАП, но и умудренным жизненным опытом, ответственным человеком. Он был гораздо старше нового поколения генералов и полковников. Его солидный возраст был весьма кстати в такой стране как Япония. Также весьма существенным было и то, что Макартур был не последним человеком и в самих США. Более того, по популярности он не слишком уступал своему давнему конкуренту президенту Г. Трумэну.

На политику США по отношению к Японии не могли не оказывать влияния внутренние американские экономические интересы и изменяющиеся геополитические условия. Безусловно, политика США в отношении Японии развивалась под влиянием начала «холодной войны» и была очень скоро переориентирована на либерально-консервативное крыло, между тем это происходило уже тогда, когда наиболее тяжелые первые послевоенные годы остались позади и внутриполитическая ситуация в Японии значительно изменилась. Резкое усиление позиций СССР, возникновение социалистического блока, активизация национально-освободительных движений в странах «третьего мира» не могли не повлиять на качественное содержание внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии США. Все это накладывалось на и без того нестабильную ситуацию в Японии, вынуждая США изменять направление своей политики.

Традиционно выделяются два периода в политике США по отношению к Японии в условиях оккупации: начальный период 1945 – 1948 гг. и «обратный курс», взятый с 1948 г.[4] Данное деление отражает серьезный сдвиг в американской стратегии, вызванный началом холодной войны, т.е. соответствует глобальному переустройству мира в первые послевоенные годы. Начавшаяся холодная война с СССР подтолкнула США к идее сделать из Японии надежного союзника в борьбе с советским блоком. Этот перелом произошел в середине 1948 г. и обозначается в отечественной историографической литературе как «обратный курс в политике оккупации 1948 – 1952 гг.» [7, С. 527].

Традиционно изменение американской политики связывается с событиями в Китае и обострением отношений с СССР. Это совершенно справедливо, учитывая, что после капитуляции Японии на Дальнем Востоке образовалась политическая пустота, быстро заполнявшаяся влиянием СССР и Китая. Руководство США было всерьез обеспокоено таким развитием событий. Выступая в конгрессе 12 марта 1947 г., Трумэн заявил о необходимости положить конец экспансионистской политике СССР и перейти к стратегии сдерживания [8, С. 228]. Однако еще до того, как фактор холодной войны начал оказывать свое воздействие на оккупационные власти США, существовала причина, которая заставила сменить темп и вектор проводимой политики в отношении оккупированной Японии. Дело в том, что в самих Соединенных Штатах Америки в 1946 г. произошло изменение расклада политических сил между Демократической и Республиканской партиями. Несмотря на то, что Г. Трумэн выиграл президентские выборы, позиции республиканцев значительно укрепили их победа на выборах в Конгресс и получение большинства мест в обеих палатах парламента.

В экономическом плане это означало ослабление последователей «Нового курса» и усиление роли и влияния правых сил. Смена внутриполитических настроений не могла не отразиться и на политике по отношению к главному международному форпосту США – Японии. Среди правительственных функционеров, непосредственно курировавших вопросы американской внешней политики по отношению к Японии, были в основном республиканцы или люди близкие к крупным деловым кругам. Это и Г. Стимсон – военный секретарь США в 1945 г., и секретарь ВМФ – Дж. Форрестал, и госсекретарь США Э. Стеттиниус. Именно это во многом и предопределило отход от рьяного исполнения первоначальных идей в духе сторонников «Нового курса» в отношении Японии – таких как «чистка» крупного бизнеса, запрет и жесткая политика в отношении крупных концернов дзайбацу, поддержка профсоюзов, сокращение разрыва между богатыми и бедными, социальные мероприятия, запрет торговых картелей и другие антимонопольные меры.

Произошел явный сдвиг с курса на быструю демократизацию к идее проведения более осторожной политики стабилизации и восстановления

[4] В современной японской энциклопедии (The Kodansha Encyclopedia. Japan: Profile of a Nation. Tokyo. 1999) обратный курс датируется с февраля 1947 г. по декабрь 1948 г. (стр. 322).

Японии. На первый план вышла традиционная для республиканцев идея сокращения налогового бремени. Япония представлялась в этом свете черной дырой, поглощавшей огромные суммы финансовой помощи. Поэтому сокращение затрат американских налогоплательщиков на различные виды помощи Японии стало первостепенной задачей. Для этого США коренным образом пересмотрели свою политику и все чаще отвечали отказом на призывы главнокомандующего Д. Макартура об увеличении или хотя бы продолжении помощи в том же объеме, ставя задачу быстрейшего восстановления экономики самой Японии на первое место. Это была уже совершенно другая политика, серьезно отличавшаяся от первоначальных планов, когда в администрации США наибольшим влиянием пользовалась так называемая «китайская группировка», в которую входили сторонники рузвельтовского «Нового курса». Среди них были известные экономисты К. Эдвардс, Т. Биссон, Дж. Аллен и др. Они делали ставку на гоминдановский Китай и ослабление основного экономического и политического врага США – Японии. Именно поэтому первоначальный план контрибуции Поули был таким жестким и разорительным для Японии.

И все же, какой бы значимой ни была позиция США по отношению к Японии, главенствующую роль в успехе реформ сыграли сами японцы. Позиция Японии в период оккупации не оставалась пассивной или контрпродуктивной, Япония не только пользовалась благоприятным для нее развитием международной ситуации, но и сама приложила немало сил для формирования благоприятных отношений с США. Общественные силы внутри Японии оказались чрезвычайно восприимчивы к тем импульсам, которые инициировали американские реформаторы. Успех послевоенных реформ в Японии был результатом взаимопонимания и сотрудничества двух систем, поэтому сложно рассматривать и оценивать реформы в послевоенной Японии в отрыве от анализа взаимоотношений двух государств.

Внутриполитическая ситуация в послевоенной Японии была непростой, но она обеспечила постепенное продвижение институциональных реформ. Глубокие политические и экономические противоречия оказались в конечном счете преодолены, и произошло это благодаря эффективной конкуренции идей и программ в относительно свободных условиях демократического выбора. Даже если считать, что институциональные реформы были в какой-то мере навязаны Японии оккупационным режимом, придется признать, что результаты их внедрения оказались крайне выгодными подавляющей части рядовых граждан, они повысили эффективность японской экономики и смогли поднять уровень жизни населения. В таком случае не кажется невероятным тот факт, что эти реформы разделялись японским обществом и на этой основе представители различных социальных слоев смогли достичь столь необходимого единства действий.

Список используемой литературы:

1. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирова-

ние экономики. М., 1997.
2. Reischauer E. The United States and Japan. Harvard, 1965.
3. Pratt J. A history of United States Foreign Policy. N.Y., 1955.
4. Nippon Times. 28 сентября 1946 г.
5. Чугров С. Япония – США: искаженное взаимовосприятие // МЭ и МО. №2. 2007.
6. Storry R. A History of Modern Japan. L., 1962.
7. История Японии. 1868-1998 / Под ред. Жукова А. М., 1999. Т.2.
8. Ван дер Вее Г. История мировой экономики 1945-1990. М., 1994..